

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-104-116>
<https://elibrary.ru/CAEDVS>

Научная статья / Research Article
УДК 82.091 + 821.161.1P.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

© 2024 г. Е.Ю. Кнорре

Усадьба и война: мотив собирания «вселенского дома» в творчестве М.М. и В.Д. Пришвиных¹

Аннотация: В статье исследуется «усадебный миф» в дневниках Михаила Пришвина 1940–1945 гг., в книге «Мы с тобой. Дневник любви» (1939–1940), написанной писателем совместно с женой, а также в воспоминаниях Валерии Пришвиной «Наш дом» (1977). В годы Второй мировой войны «усадебный миф» становится частью автобиографического мифа Пришвина, в основе которого — мотив восстановления утраченного дома, родительской усадьбы Хрущево-Левшино в Орловской губернии. Поиски дома образуют творческую установку семьи Пришвиных, где дом — не убежище, но топос спасения всего погибающего, место откровения и радости преображенной жизни. В пространстве дома во время войны присутствуют черты «гетеротопии». Образ «дома-счастья», удаленного в глушь и одновременно включенного в общую жизнь, обращенного к страданиям современников, переходит в тему «вселенского дома» как творчества мира во время войны уже в воспоминаниях Пришвиной «Наш дом». В статье показывается, что усадебно-дачная жизнь Пришвиных — это не погружение в ностальгию по утраченному прошлому, не эскапизм в катастрофическое время войны, но осознанная практика, так называемый «усадебный габитус», который мобилизует человека в кризисный период истории, пробуждая «родственное внимание» и сострадание к Другому, объединяет людей в «невидимую общность», преодолевая стихийные, разрушительные силы войны внутри и вовне человека.

Ключевые слова: «усадебный топос», «усадебный габитус», «гетеротопия усадьбы», «усадебный миф», дневники, М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина, Великая Отечественная война.

Информация об авторе: Елена Юрьевна Кнорре — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3272-8659>
E-mail: Lena12pk@yandex.ru

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Кнорре Е.Ю. Усадьба и война: мотив собирания «вселенского дома» в творчестве М.М. и В.Д. Пришвиных // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 104–116. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-104-116>

© 2024 г. *Elena Yu. Knorre*

Estate and War:
The Motif of the Assembling of the “Universal House”
in M.M. and V.D. Prishvins’ Works²

Abstract: The article examines the “estate myth” in Mikhail Prishvin’s diaries of 1941–1945, in the book “You and I. Diary of Love” (1939–1940), written together with V.D. Prishvina, as well as in Valeria Prishvina’s memoirs “Our House” (1977). During the Second World War, the “estate myth” becomes part of Prishvin’s autobiographical myth, which is based on the motif of restoring the lost home, the parental estate of Khrushchevo-Levshino in Orel province. The search for home forms the creative attitude of the Prishvin family, where home is not a refuge, but a topos of salvation for all that perishes, revelation of the joy of a transformed life. The space of the house during the war contains features of “heterotopia”. The image of a “home of happiness”, remote in the wilderness and at the same time included in common life, addressed to the suffering of his contemporaries, turns into the theme of the “universal home” as the creation of the world during the war already in the memoirs of V.D. Prishvina “Our House”. The article proves that the estate and dacha life of the Prishvins is not an immersion in nostalgia for the lost past, a kind of escapism in a catastrophic time of war, but conscious life practice, the so-called “estate habitus”, which mobilizes a person in a crisis period of history, awakening “kinship attention” and compassion for the Other, unites people into an “invisible community”, overcoming the spontaneous, destructive forces of war inside and outside the person.

Keywords: “Estate Topos”, “Estate Habitus”, “Estate Heterotopia”, “Estate Myth”, Diaries, M.M. Prishvin, V.D. Prishvina, Great Patriotic War.

Information about the author: Elena Yu. Knorre — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3272-8659>

E-mail: Lena12pk@yandex.ru

For citation: Knorre, E.Yu. “Estate and War: The Motif of the Assembling of the ‘Universal House’ in M.M. and V.D. Prishvins’ Works.” *Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph*, comp. by O.A. Bogdanova,

---

² This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Война создает особое измерение усадебной темы. В идиллическом хронотопе усадьбы в военное время проявляется семантика преодоления смерти — восстановления разрушенного, спасения погибшего. Усадебная тема в фокусе войны возникает уже в творчестве Л.Н. Толстого. В романе-эпопее «Война и мир» (1863–1869) чувство дома во время войны «развивается вместе с духовной эволюцией героя от уютного и гостеприимного, но замкнутого на себе существования в кругу семьи, в “своем углу”, до переживания всего мира как большого Дома — вместилища страждущих»³, что позволяет выявить такие модификации «усадебного топоса» в творчестве Толстого, как «усадьба-госпиталь», «усадьба — райский сад», «усадьба странствующая» — «странноприимный дом-храм»⁴. Заданная Толстым парадигма восприятия «идеальной усадьбы как образа праведного хозяйствования и миротворчества, умирения страстей в служении Богу и людям»⁵ становится определяющей в изображении усадьбы во время войны в литературе XX в. Можно говорить об «усадебном габитусе» Толстого (поведенческой модели, сформированной усадебной жизнью), актуализированном в «усадебном тексте» XX в. в кризисные периоды.

Проблематика творчества жизни, восполняющего ощущение распада и утраты целостности, определяет звучание усадебной темы в дневниках Пришвина в периоды войн и революций. Тема творчества мира во время войны коррелирует с мотивом поиска утраченного дома. В 1918 г. большевики отобрали имение Пришвиных Хрущево-Левшино в Орловской губернии, где писатель вырос. Уже в дневниках 1914–1916 гг. сны о родном Хрущеве открывают «новое в очевидном»: сквозь «завесу бытия», «ширму войны» Пришвин видит пути творчества мира⁶. Война у Пришвина

---

³ Кнорре Е.Ю. «Делили имение во время войны»: традиции Л.Н. Толстого в усадебном тексте XX в. // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 181.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Там же. С. 164.

⁶ См. Кнорре Е.Ю. Усадьба и война в эго-документах 1918–1922 гг. (дневники М. Пришвина и С. Дурылина) // Новый филологический вестник. 2023. № 2 (65). С. 109–122.; Кнорре Е.Ю. «Сквозь толщу катастрофы»: мотив обретения небесного отечества в усадебном мифе М. Пришвина и С. Дурылина в дневниках периода Гражданской войны (1918–1922) // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (65). С. 178–189.

изображается как лиминальное пространство смерти, испытания души героя, когда трагедия утраты дома реального восполняется обретением духовного дома — как невидимой общности, как сострадательной связи с миром живых существ.

Дом-Китеж во время войны

Мотивы дневников периода Первой мировой и Гражданской войн получают развитие в записях времени Великой Отечественной войны. Если в Гражданскую войну собиравание духовного дома коррелирует с мотивом исцеления души, преодолевающей осуждение брата своего («Нет, я человек, я за человека стою, у меня ни белое, ни красное, у меня голубое знамя», «...я на святой горе в вечном сиянии под голубым знаменем неба»⁷), то в годы Второй мировой войны духовная работа осмысливается Пришвиным как переход от чувства страха и заботы о личном спасении к общему деланию, как усмотрение истоков войны в отчуждающем людей друг от друга мышлении, разрушающем общий планетарный дом. Мотив «воскресения из числа», преодоления объектного мышления, пропускающего живое лицо «другого» — человека, растения, зверя, впервые звучащий в повести «Мирская чаша» (1922), появляется в рассуждениях о подлинном виновнике войны и о ее преодолении в солидарном человеческом действии против разрухи и смерти. По Пришвину, истинным виновником войны становится излишний теоретизм человеческого мышления, придумавшего идею «большой войны», допустившего возможность использования «миллионов жизней» для «благополучия будущих людей всего мира»:

Нет, дело было не в Гитлере, а в идее чьей-то, падающей на людей гораздо ужасней, чем фугасная бомба. <...> Ужасная идея «большой войны» заключалась в том, чтобы миллионами истраченных жизней современных людей создать вечное благополучие будущих людей всего мира...⁸

В понимании Пришвиным причин войны прочитываются аллюзии на идеи Ф.М. Достоевского, который в романе «Преступление и наказание» (1866) изображает заблуждения Раскольникова, убежденного в том,

⁷ Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919 / коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. М.: Моск. рабочий, 1994. С. 287–288.

⁸ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941 / подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой. М.: РОССПЭН, 2012. С. 533.

что великая цель оправдывает средства ее достижения, пусть даже этим средством будет гибель живого существа. Прочитывается здесь и влияние идей С.Н. Булгакова, сформулированных в его статье «Героизм и подвижничество» (1908), где героизм революционной интеллигенции сопоставляется с духовным деланием подвижников, преобразующих мир не одномоментным героическим действием, оправдывающим любые средства для достижения цели, но каждодневным духовным трудом⁹. Теоретизм мышления и становится, по Пришвину, причиной развязанной Гитлером войны. Путь же спасения — пробудить в человеке родственное внимание к миру, «обращенное к тварям земным»:

...вглядывайся в каждую мелочь отдельно и различай одну от другой, узнавая личности в каждом мельчайшем даже живом существе, выводи из общего, показывай, собирай миллионы их и весь этот великий Собор живых выводи на борьбу против Среднего Должного¹⁰.

Зимой 1939–1940 гг. Пришвин встречает Валерию Дмитриевну, в будущем свою вторую жену. Она видит судьбу писателя через призму мифа о Китеже, который в первой половине XX в. прочно связывается с «усадебным топосом»¹¹. В комментариях к совместному с Пришвиным «дневнику любви» она раскрывает символический смысл Китежа:

Тема русского романа, которая, по слову Пришвина, «глубже искусства», воплощена в родившейся накануне революции опере Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже», в центральном образе этой оперы — деве Февронии. Эта опера дала новое освещение русского мифа, который до времени ушел со всей предреволюционной

---

⁹ См.: *Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество* // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Изд-во В.М. Саблина, 1909. С. 45. Ср.: «В этой неразборчивости средств, в этом героическом “все позволено” (предуказанном Достоевским еще в “Преступлении и наказании” и в “Бесах”) сказывается в наибольшей степени человекобожеская природа интеллигентского героизма, <...> и это не только в целях и планах, но и путях и средствах осуществления. Я осуществляю свою идею и ради нее освобождаю себя от уз обычной морали, я разрешаю себе право не только на имущество, но и на жизнь и смерть других, если это нужно для моей идеи».

¹⁰ *Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941*. С. 534.

¹¹ Подробнее см.: *Богданова О.А. Усадьба в русской литературе военно-революционных лет: мотивы Китежа и Святой Руси* // *Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография*. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 167–180.

культурой под воды Светлояра. <...> Вторая тема — участие в страдании мира и спасении его. Эта тема находит в опере отражение во всей полноте: подвигом самоотвержения дается вход в небесный Китеж. Смысл «нашей идеи» — это всеединство и всепрощение. Феврония не принимает счастья («небесного Китежа»), пока последний преступник на земле не раскается и не полюбит добро. Идея всеединства, всепрощения и их апофеоз — радость. В радости потонут и скорь, и покаяние, и сострадание — они уже пережиты и растворяются в небытии. «Кайся, всякий грех прощается, а который непростительный, не простится — так забудется», — эти слова Февронии перед смертью предначертывают будущую всеобщую победу в конце Священной истории мира — спасение его¹².

Еще до приобретения в 1946 г. Дунина — усадьбы-дачи недалеко от Москвы, напоминавшей Пришвину утраченное Хрущево, в дневниках и художественном творчестве писателя появляются интенции духовного домостроительства («творчества мира» во время войны): восстановления всего разрушенного войной, родственной связи человека с природой и космосом в целом. Об ощущении мира как «вселенского дома» пишет В.Д. Пришвина:

Простором, свободой независимой бедности и богателя и дышала душа художника. Таким он был. В стремлении «уроднить всю землю» (слова Пришвина) лежало ощущение мира как вселенского дома¹³.

Эпиграфом к книге «Наш дом» ею выбрана следующая запись Пришвина:

Тот маленький дом, в котором мы рождаемся, разрушается со временем, как и гнездо у птиц: птицы вылетают на большой простор, представляя гнездо дождям и бурям, а человек должен непременно достигнуть такого простора, чтобы тело свое почувствовать вместе со всей землей, ее воздухом, светом, водой, огнем и всем населением, как свой собственный дом¹⁴.

Лето 1940 г. Пришвины провели в деревне Тяжино под Бронницами в Московской области, где снимали избу у колхозника С.И. Грекова. Там

---

¹² Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой: дневник любви / подгот. текста и коммент. Л.А. Рязановой. СПб.: Росток, 2003. С. 249–250.

¹³ Пришвина В.Д. Наш дом. М.: Мол. гвардия, 1977. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 1.

была создана книга «Лесная капель», в которой Пришвин «писал о мире, когда на Земле разгоралась война»¹⁵. Радостный художественный мир контрастировал с войной, что вызвало непонимание у издателей:

Михаилу Михайловичу пришлось бороться за свою мысль (и книгу) еще целых три года, пока в разгар Великой Отечественной войны его мысль не восторжествовала; всем стало понятно, что именно радостью жизни и стремлением к миру питается наша любовь к Родине и необходимость ее защиты. <...> Что существенно сейчас в нашем рассказе — книга эта была не чем иным, как продолжением вековых поисков дома. Она так и была названа Пришвиным — «Мой дом». На этот раз слово «дом» символизировало всю великую природу и включало в себя — как незначительную деталь — человеческое жилище¹⁶.

Из дома-убежища к «вселенскому дому»

О поведении во время войны, когда уставать, искать «убежище» равносильно смерти, Пришвин писал в своем дневнике:

Квартира на Лаврушинском против Третьяковской галереи начинает казаться безумной мечтой об убежище в горле вулкана... А впрочем, эта мораль та же самая, что и на войне, как описано у Л. Толстого в «Войне и мире»: на усталого не смотря, он отстанет и должен погибнуть, от него прямо отвертываются, потому что вся мораль в том, чтобы двигаться вперед...¹⁷.

А В.Д. Пришвина описывает метаморфозы пространства творчества во время войны как восхождение к высоте, откуда художник видит спасение:

...рабочий кабинет писателя на наших глазах превращался в одной редакции в «убежище в горле вулкана», в другой — в Китеж, и, наконец, в третьей — в «воздушный замок», где Пришвин учится сохранять в себе «чувство высоты», все с той же единственной целью: чтобы ему «дальше лететь»¹⁸.

---

¹⁵ Там же. С. 43.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 40–41.

¹⁸ Там же. С. 42.

От стремления создать Китеж в Москве, в квартире в Лаврушинском переулке, Пришвин возвращается к своей исконной интуиции дома:

Китеж-град должен был неминуемо покинуть городские стены. <...> Пришвин тут же начинает подумывать об устройстве где-нибудь в деревне, на природе¹⁹.

И как продолжение этой записи звучат слова о небесной обстановке дома, которые будут сформулированы уже в годы жизни в Дунине:

Новоселье. Вчера первый раз переночевал в своем доме. Начинаю пожинать урожай своего весеннего сева: посеял, все лето боролся, растил — и вот мой дом, как яблоко, как мысль, поспевает, и звезды небесные, как обстановка души моей, появляются над моими сениями. Вечером на короткое время вывездило, и с веранды я увидел Большую Медведицу и другие звезды, с детства так знакомые и родные. И вся небесная обстановка моего домика была как мебель собственной души моей, и даже сама душа, казалось, досталась мне от первых пастухов...²⁰

Поиски дома ведутся в первые совместные годы с Валерией Дмитриевой, годы войны. В этих странствиях складывается то дело служения, которое наполнит потом и Дунино, позволит Пришвину написать в 1952 г. слова: «Мое любимое Хрущево явилось, открылось для всех, просияло»²¹. В странствиях соединяются реальное время переездов в поисках практического спасения от военного неустройства в местах, где можно спокойно работать, с духовным преображением: в каждом новом месте дом для Пришвиных — не только убежище с замкнутыми от страшного мира стенами, но восстановление и спасение погибшего, творческое делание для страдающих людей:

Нет, не счастьем надо было бы назвать нашу трудную с Михаилом Михайловичем жизнь. Она похожа была скорее на упорную работу, на какое-то упрямое, непонятное для окружающих строительство. И не росток это зеленый наивно выглядывал из-под земли, — нет, я ошиблась, сказав так. Это выплывал из тумана Невидимый град нашей общей с детства меч-

---

¹⁹ Там же. С. 40.

²⁰ Там же. С. 80–81.

²¹ *Пришвин М.М. Дневники. 1952–1954* / подгот. текста Я.З. Гришиной, Л.А. Рязановой. СПб.: Росток, 2017. С. 166.

ты и становился действительностью, такой, что, казалось, можно ощупать рукой его каменные стены²².

Мотив «дома-счастья», дома — творческого служения людям во многом продолжает «усадебный текст» Л.Н. Толстого с его образами «дома-госпиталя», «странноприимного дома-храма»²³. В.Д. Пришвина пишет о муже в годы войны:

Он страстно желал себе найти какой-то большой прекрасный дом. <...> Дом как счастье, и опять-таки не то ограниченное, собственническое, отягощенное заботами <...> Пришвин не мог оставаться с одной «домашней» всепоглощающей заботой, даже если это свое понимать как любимое дело, призвание, успех...²⁴

Как и в дневниках Гражданской войны, поиски дома у Пришвина — это созидание образа жизни, соединяющего с людьми и природой в деле преображения мира, творчества радости. Можно говорить о своеобразии «усадебного габитуса» Пришвиных (поведенческой модели, связанной с усадебной жизнью) во время войны как о выходе из «домика личности» в состояние «духовное», обретении своей «земной доли» как «вселенского дома», где любовь преодолевает хаос войны, «рознь мира сего», творит бессмертие:

Мы находимся с Лялей в состоянии брачном не потому, что рожаем детей и работаем в поте лица (хотя и от того, и другого не отказываемся), а потому, что включаем эту нашу общую плотскую, земную жизнь в общий путь к Царствию Небесному, и по пути сами же мы, муж и жена, участвуем в деле преображения мира и достигаем радостного дня всеобщего воскресения²⁵.

О творческом совместном делании, преодолевающем отчаяние войны и разрухи, пишет и В.Д. Пришвина:

Позднеосенние дни 1941 военного года переживались нами как рубеж, за которым стояло неизвестное будущее либо не стояло ничего. Но вот

---

²² Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой: дневник любви. С. 30.

²³ См.: Кнорре Е.Ю. «Делили имение во время войны»: традиции Л.Н. Толстого в усадебном тексте XX в. С. 164–201.

²⁴ Пришвина В.Д. Наш дом. С. 29.

²⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941. С. 332.

диво: несмотря на все, мы были бодры, деятельны, верили в какой-то добрый исход великой народной беды²⁶.

Семья Пришвиных продолжает толстовскую традицию: «в художественном мире романа Толстого атмосфера городского усадебного дома (еще со времен романа-эпопеи “Война и мир”²⁷) определяется не стенами и дверьми, а населяющими его людьми»²⁷. Так и у Пришвиных: дом — это прежде всего отношение к людям; в сложной ситуации они не убегают в уютное семейное гнездо, но заботятся о тех, кому нужна помощь, открываются миру, читателю-другу. Внутреннее пространство дома становится шире внешнего.

В связи с этим можно говорить о «гетеротопии усадебь» как «гетеротопии дома» в творчестве Пришвиных. «Гетеротопия» в понимании М. Фуко «имеет свойство сопоставлять в одном-единственном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы»²⁸. Междисциплинарная категория «гетеротопии» введена в тезаурус «усадебных» исследований О.А. Богдановой, разрабатывалась также Е.В. Глуховой²⁹. Итак, осенью 1942 г. Пришвин записывает: «В сердцах людей во время войны складывается будущий мир. И значение писателя во время войны именно такое, чтобы творить будущий мир»³⁰. Пространство писательского дома во время войны включает в себя семантику «преображения-перехода, проявления сквозь данное пространство “смерти-распада”, заданной его перспективой — явления невидимой общей земли, дома Божия как общего для всех Небесного отечества»³¹. В уединении «молчаливого дома» Валерия и Михаил Пришвины «штопают льняными нитками связи», восстанавливают ткань жизни:

---

²⁶ Пришвина В.Д. Наш дом. С. 46.

²⁷ Андреева В.Г. Усадьбы в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 151.

²⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 200.

²⁹ Богданова О.А. «Гетеротопия усадебь» в романе З.Н. Гиппиус «Роман-царевич» (1913) // Проблемы исторической поэтики, 2020. Т. 18, № 1. С. 294–314; Глухова Е.В. Гетеротопия усадебь в поэтике русского символизма (часть первая: Зинаида Гиппиус) // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 178–186.

³⁰ Пришвина В.Д. Наш дом. С. 50.

³¹ Кнорре Е.Ю. «Сквозь толщу катастрофы»: мотив обретения небесного отечества в усадебном мифе М. Пришвина и С. Дурылина в дневниках периода гражданской войны (1918–1922). С. 180.

В молчаливом лесу и молчаливом доме, занесенном в ту зиму небывальными снегами, шла беседа писателя с самим собой на страницах дневника, шли наши с ним нескончаемые беседы. Всю снежную зиму мы были отрезаны от большого мира, так как проезда по нашей единственной дороге до Переславля не было. Ходили мы в город пешком по двадцать километров³².

Дом видимый, реальный, занесенный снегами и стоящий вдали от города, вмещает внутренний, невидимый «вселенский дом». О таком удаленном и одновременно включенном в общую жизнь образе бытия В.Д. Пришвина пишет в своих воспоминаниях:

И в нашу дремучую глушь доходили живые отголоски человеческих страданий. Вот приехала спасаемая из осажденного Ленинграда через Ладожское озеро женщина, истощенная чуть не до состояния мумии. Однако она живо рассказывает о пережитом, останавливаясь почему-то на незначительных бытовых подробностях: вспоминает брошенные вещи, любимого кота, гордится, что не съели кота³³.

Это и есть пришвинский дом как гетеротопия.

Как свидетель Первой и Второй мировых войн на территории России, во многом пережитых им в «усадебном пространстве», Пришвин с очевидностью черпал там силу для внутренней стойкости, ощущения солидарной связи со страждущими людьми. Мотив поиска утраченного дома, чувство сиротства («сиротской зимы»), появившиеся в дневниках Пришвина в эпоху катастроф Первой мировой и Гражданской войн, обретает новые контуры в годы Второй мировой войны. Обретение спутника жизни, соратника в творчестве создает новые коннотации образа дома на войне. Мотив дома, расширяющегося в мир, звучит теперь в дневниках Пришвиных как тема совместного преображения жизни, собирания «вселенского дома». Несмотря на уединенный характер жизни Пришвиных в годы войны, писатель размыкает стены внешнего дома, создает внутреннее пространство — «расширение души» в сострадании, в родственной связи со всем живущим. Проведенный анализ позволяет выявить особый «усадебный габитус» Пришвиных как поведенческую модель в военное время. Еще до обретения их последнего дома — усадьбы-дачи Дунино — складывается стиль жизни семьи Пришвиных, проявляющий образ внутреннего духовного дома, «дома-счастья», «вселенского дома»,

---

³² Пришвина В.Д. Наш дом. С. 50.

³³ Там же.

выходящего за «стены эгоизма», который в 1946 г. будет воплощен в новой подмосковной усадьбе.

Список литературы

Исследования

- 1 *Андреева В.Г.* Усадьбы в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 144–154.
- 2 *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
- 3 *Богданова О.А.* Живые корни литературных усадеб // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 18–27. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6).
- 4 *Богданова О.А.* «Гетеротопия усадьбы» в романе З.Н. Гиппиус «Роман-царевич» (1913) // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 1. С. 294–314.
- 5 *Глухова Е.В.* Гетеротопия усадьбы в поэтике русского символизма (часть первая: Зинаида Гиппиус) // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 178–186.
- 6 *Кнорре Е.Ю.* «Делили имение во время войны»: традиции Л.Н. Толстого в усадебном тексте XX в. // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 164–201.
- 7 *Кнорре Е.Ю.* Усадьба и война в эго-документах 1918–1922 гг. (дневники М. Пришвина и С. Дурылина) // Новый филологический вестник. 2023. № 2 (65). С. 109–122.
- 8 *Кнорре Е.Ю.* «Сквозь толщу катастрофы»: мотив обретения небесного отечества в усадебном мифе М. Пришвина и С. Дурылина в дневниках периода Гражданской войны (1918–1922) // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (65). С. 178–189.
- 9 *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Практикс, 2006. Ч. 3. 320 с.

Источники

- 10 *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М: Изд-во В.М. Саблина, 1909. С. 23–69.
- 11 *Дурьлин С.Н.* Троицкие записки / публ. и примеч. А. Резниченко и Т. Резвых // Наше наследие. 2015. № 116. С. 77–103.
- 12 *Пришвин М.М.* Дневники. 1918–1919 / коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. М.: Моск. рабочий, 1994. 383 с.
- 13 *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. Книга четвертая / подгот. текста Л.А. Рязановой; коммент. Я.З. Гришиной и Н.Г. Полтавцевой. М.: Русская книга, 1999. 416 с.
- 14 *Пришвин М.М.* Дневники. 1940–1941 / подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой. М.: РОССПЭН, 2012. 813 с.
- 15 *Пришвин М.М.* Дневники. 1952–1954 / подгот. текста Я.З. Гришиной, Л.А. Рязановой. СПб.: Росток, 2017. 832 с.
- 16 *Пришвин М.М.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 8. 759 с.
- 17 *Пришвина В.Д.* Наш дом. М.: Молодая гвардия, 1977. 336 с.
- 18 *Пришвина В.Д.* Невидимый град. М.: Молодая гвардия, 2002. 528 с.
- 19 *Пришвин М.М., Пришвина В.Д.* Мы с тобой: дневник любви / подгот. текста и коммент. Л. Рязановой. СПб.: Росток, 2003. 256 с.